

А. Ю. Фомин

Военная революция в Турции в донесениях российских офицеров*

После 1905 г. российская внешняя политика на Балканах и Ближнем Востоке определялась стремлением упрочить позиции в этом традиционно входившем в сферу особых интересов России регионе и тем самым частично восстановить подорванный крахом Дальневосточного проекта международный престиж страны¹. За полвека до рассматриваемых событий поражение в Крымской войне надолго закрыло для России перспективу благоприятного решения Восточного вопроса и способствовало переориентации ее внешних усилий на Дальний Восток и Среднюю Азию. Теперь же положившее конец амбициям царского правительства в Восточной Азии поражение в войне с Японией снова сделало приоритетным балканское и ближневосточное направления. Однако возможности для внешнеполитического реванша были весьма ограничены. Положение России не позволяло ей помышлять об активной экспансии. Серьезно ослабленная военными неудачами и внутренними неурядицами страна не имела ресурсов для силовых авантур, а традиционная бедность России капиталами не позволяла ей конкурировать с европейскими державами в сфере экономического проникновения в пределы Османской империи и балканских госу-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 25-18-00670 «Российская политика “мягкой силы” и Османская империя XVIII – начала XX в.: поиск альтернативы военного противостояния».

дарств. Однако вылившийся в революцию 1908–1909 гг. внутривнутриполитический кризис в Турции, как казалось, открывал Петербургу новые дипломатические возможности.

Ход младотурецкой революции 1908–1909 гг. был во многом обусловлен международным контекстом, не последнюю роль в котором играли события в России и действия российского правительства на внешней арене. Во-первых, младотурецкая революция была отчасти вдохновлена недавней революцией в России, за которой внимательно наблюдали солидаризировавшиеся с противниками самодержавия, понимавшегося ими как аналог абсолютистского режима султана Абдул-Гамида II, турецкие оппозиционные силы². Во-вторых, роль спускового крючка для мятежа частей расквартированной в Македонии 3-й Турецкой армии, с которого началась младотурецкая революция, сыграли известия о встрече Николая II с английским королем Эдуардом VII в Ревеле в июне 1908 г. и слухи об обсуждавшемся на этой встрече совместном русско-английском проекте дальнейшего реформирования турецкой Македонии, по которому Турция бы фактически теряла суверенитет над этой провинцией³. Проект предполагал, что Македония будет управляться назначаемым великими державами и несменяемым без их согласия губернатором. Это стало своего рода последней каплей в глазах османских патриотов. Чувство национального унижения, вызванное все возрастающим внешним вмешательством во внутренние дела империи и многочисленными территориальными потерями за 32-летнее правление Абдул-Гамида II, являлось важным фактором нарастания антиправительственных настроений, в итоге приведших к младотурецкой революции, проходившей под лозунгами консолидации общества, укрепления и модернизации государства перед лицом иностранных держав. Эти настроения были особенно сильны среди мусульманского населения Румелии (европейских владений султана), чувствовавшего, что конец османского правления на Балканах, который как будто приближала неумелая политика Абдул-Гамида, несет для него экзистенциальную угрозу. Ирредентистские националистические устремления соседних христианских государств представляли действительную опасность для балканских мусульман. На завершающем этапе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сотням тысяч балканских мусульман пришлось оставить свои дома и перебраться в другие районы империи из подкрепленного многочисленными кровавыми инцидентами страха перед наступающими российскими войсками и мстостью со стороны болгар⁴. Переход оставшейся части Румелии под контроль балканских государств означал для местных мусульман повторение постигшей их ранее катастрофы. Не случайно получившее название младотурецкого движение, выступавшее за ускоренную модернизацию Османской империи, пустило наиболее глубокие корни именно в европейской части владений султана, являвшейся объектом притязаний соседних национальных государств и великих держав.

В ставшей эпицентром революции Македонии с 1904 г. присутствовали иностранные гражданские чиновники и офицеры. Их деятельность была санкционирована турецкими властями в рамках навязанной султану великими державами программы реформ управления Македонии, направленных на улучшение положения местного христианского населения, обратившего на себя внимание европейского общественного мнения после жесткого подавления турецкими войсками Илинденского восстания. Программа реформ, получивших название Мюрцштегских, была согласована между Россией и Австро-Венгрией по итогам встречи Николая II с Францем в замке Мюрцштег в сентябре 1903 г. и была поддержана остальными великими державами. Реформы подразумевали создание при турецком главном инспекторе Македонии Хильми-паше гражданской и военной комиссии из представителей шести держав (России, Австро-Венгрии, Германии, Англии, Франции и Италии) для надзора за соблюдением турецкими властями прав христианского населения⁵.

Российским отделом комиссии реорганизации жандармерии, действовавшей в турецкой Македонии с начала 1904 г. в рамках реализации Мюрцштегских соглашений, руководил генерал-лейтенант Ф. А. Шостак. Он регулярно направлял донесения в Главный штаб, а со второй половины 1905 г. — начальнику Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Шостак прикреплял к собственным донесениям значимые донесения своих подчиненных российскому отделу комиссии. Кроме того, в ГУГШ направлял свои донесения военный агент в Константинополе полковник И. А. Хольмсен. Таким образом, в Генеральном штабе концентрировались все донесения представителей российского военного ведомства в Турции.

Российские офицеры комиссии по реорганизации жандармерии, помимо выполнения своих прямых официальных обязанностей, глубоко погружались в проблемы региона, занимались сбором всевозможных сведений, обрастали связями среди местного населения, гражданских и военных властей, фактически становясь агентами российского влияния в турецкой Македонии. Именно укрепление влияния России в европейской Турции, повышение ее авторитета в глазах местного населения являлось главной фактической целью пребывания российских гражданских и военных представителей в Македонии, отодвигавшей надзор за эффективностью реформ на второй план. Российский гражданский агент в Македонии Н. Н. Демерик писал: «Реформы — реформами, когда-то они еще осуществляются настолько, чтобы стать понятными и осязаемыми для каждого македонца <...>. Для него ближе и дороже улажение (так в тексте. — А. Ф.) его собственных дел и такого рода деятельность агентов ему понятнее, чем забота об изменениях общих условий государственного режима страны. Он поймет, что истые радетели о нем не комитаджии (члены революционных национальных комитетов. — А. Ф.), требующие от него крови и разорения, а две державы (Россия и Австро-Венгрия. — А. Ф.), взявшиеся за улучшение уклада его жизни, обеспечение ему

человеческого достоинства путем действительного контроля над действиями его правителей — тиранов»⁶.

Местное население, в том числе мусульманское, активно обращалось к российским офицерам за заступничеством, разрешением имущественных споров и конфликтов с властями. Имел место примечательный случай, когда к российскому офицеру (т. е. представителю вооруженных сил традиционно считавшейся враждебной державы) обратилось несколько десятков уволенных в запас турецких рядовых с просьбой посодействовать им в выплате задержанного служебного жалования. «17 марта пришла уже группа в 25 человек, все бывшие унтер-офицеры, посланцы от разных деревень и предъявили мне свои “кочаны” (квитанции. — А. Ф.), говоря, что есть более 1000 отслуживших солдат, не получивших ни копейки за службу, и у каждого числятся за правительством долги от 6 до 8 лир. Пришлось разъяснить туркам, что никто из местных чиновников не виновен в неполучении ими содержания и не может удовлетворить их ходатайства, так как это дело падишаха и кроме того, как мне известно, всем служившим до 1904–1905 года деньги не будут уплачены, так как все сметы закончены. Селяне ушли со словами: “как ты советуешь, так мы и сделаем; если нельзя ничего получить, то мы уничтожим ‘кочаны’; мы к тебе обратились, как к последнему средству, порешив между собой, что ты нам покажешь верный путь”»⁷, — сообщал из города Кукуш (ныне греческий город Килкис) штабс-ротмистр Н. А. Агура. Иностранцы, в частности российские, офицеры становились для местного населения всех конфессий гарантами соблюдения порядка и законности, своего рода противовесом местным властям. Обращение к ним нередко являлось средством давления на турецкие власти: «В первое время нашего приезда нам внушали, что иностранцы прибыли для одной только жандармерии и только над ней имеют власть, а теперь мы убедились, что вы во все вмешиваетесь, а потому мы перестаем бояться своих властей: теперь чуть что мы говорим, что пойдём с жалобой к “аджнеби-юз-баши” (иностранному капитану)»⁸, — передавал слова турецкого селянина один из офицеров российской миссии. Подобные факты позволяют утверждать, что российские офицеры в турецкой Македонии занимались выполнением несколько необычной для военных функции проецирования «мягкой силы», укрепляя влияние России в регионе посредством выстраивания особых отношений с местным населением и элитами, вмешательством в местные дела, далеко выходящим за рамки служебных обязанностей. За 4 года пребывания в Македонии российским офицерам удалось заполучить прочный авторитет в глазах местного, прежде всего христианского, населения. В апреле 1908 г. генерал-лейтенант Ф. А. Шостак, руководивший российской военной миссией в Македонии, доносил в Генеральный штаб: «Отношения христиан к нашим офицерам вполне установились. Они видят, что при принесении ими обоснованных жалоб нами делается все зависящее, чтобы им помочь либо непосредственно, когда дело касается жандармерии, либо через нашего гражданского агента. Но в общем в казах»⁹

со смешанным населением обращаются к офицерам главным образом экзархисты¹⁰ и вполне откровенно делятся своими горестями; патриархисты¹¹ же, усиленные временно благоволением местных властей, оказывающих им поддержку в их национальной вражде, подают вид, что не чувствуют на себе гнета турецкого режима. В казах, однако, где христианское население все патриархисты, они также часто просят нашего заступничества и поддержки. Отношение мусульманского населения к нам прежнее, всегда сдержанное, вежливое и внимательное. И оно иной раз обращается к нам с жалобами на свои же власти, но предпочитает ссору* из избы не выносить»¹². Это можно было считать локальным успехом российской политики, особенно в условиях, когда Россия после краха своего дальневосточного проекта вновь обратила усиленное внимание на Балканы.

Погруженность в местные дела позволяла офицерам российской военной миссии делать массу наблюдений о политической ситуации в европейской части Турции, настроениях в обществе. Штабс-ротмистр Агура в донесении генерал-лейтенанту Шостаку приводил записанный им эмоциональный монолог местного интеллигента о султанине Абдул-Гамиде: «Я не могу понять, как жизнь государства зависит только от одного человека, в особенности от такого, как наш султан, который, хотя и считается одним из лучших дипломатов среди халифов, которых Турция имела до сих пор во главе своего правления, но на самом деле это идиот, более преданный своим страстям, чем заботам об интересах государства и о благополучии своих подданных»¹³. Далее собеседник штабс-ротмистра Агуры выражал негодование по поводу особого положения иностранцев в Турции на фоне бесправия подданных султана и перечислял череду уязвлявших его национальную гордость внешних унижений империи, одну за другой терявшей свои провинции: «В Турции всякий иностранец, благодаря покровительству консульства и посольства своей державы, имеет гораздо более привилегий, власти и свободы, чем простой подданный. Иностранец может обо всем говорить свободно, все писать, все делать, тогда как подданный империи должен быть осторожным и хорошо взвешивать свои слова, прежде чем их произнести, так как повсюду его окружают микробы (шпионы). Мы имеем много газет, появляющихся ежедневно, но они созданы только для публикации почестей, воздаваемых султану, всяких производств и наград, которые продаются по низким ценам пашам, беям и всем, домогающимся их иметь. Мы имеем много примеров, подтверждающих, что наш султан не смыслит в политике: так, например, он хотел играть в политику однажды с Европой и окончил совершенной потерей Восточной Румелии; затеял войну с Грецией, и мы потеряли Крит, Кипр, Египет, Алжирия оторваны от нас тоже благодаря несчастной дипломатии Абдул-Гамида»¹⁴. В завершение беседы интеллигент выражал опасения по поводу будущего Македонии, а также уповал на либеральные конституционные реформы как на единственное средство исправления положения

* Так в документе.

Турции и предрекал неизбежность политических перемен в стране: «Вот теперь на очереди Македония, которая не сегодня-завтра будет вырвана из наших рук и, несмотря на это, султан не помышляет учредить парламент — необходимое средство улучшить положение дел; он не думал об этом до сих пор и не будет думать всю свою остальную жизнь, потому что это затрагивает его самолюбие; но будьте уверены, что заместитель не взойдет на трон прежде, чем объявит конституцию и учредит парламент»¹⁵.

Взгляды собеседника штабс-ротмистра Агуры выдавали в нем сторонника общества «Единение и прогресс» (Иттихад ве теракки) — революционной младотурецкой организации с центром в Салониках (культурном и экономическом центре турецкой Македонии), объединившей турецких политэмигрантов и внутренних заговорщиков. Ядро младотурецкого заговора составляли офицеры младшего и среднего звена, что не являлось секретом для представителей российской военной миссии, обращавших особое внимание на политические настроения в турецкой армии. Штабс-ротмистру Агуре удалось установить контакт с несколькими участвовавшими в заговоре офицерами, которые достаточно откровенно делились с ним информацией о деятельности и дальнейших планах младотурецкой организации. В одном случае Агуре в знак особого доверия даже раскрыли имя заговорщика, покушавшегося на коменданта Солуни (Салоник) полковника Назым-бея¹⁶.

Агура сообщал, что расквартированная в Македонии 3-я армия наводнена офицерами-заговорщиками в ранге до майора включительно, которые непрерывно ведут антиправительственную пропаганду среди военных и гражданских, и потому султану будет трудно справиться с возможным выступлением¹⁷. Собеседники Агуры из числа заговорщиков и их сторонников преследовали собственные цели, посвящая его в свою деятельность. Один из них говорил, что для «христиан Македонии нет никакой опасности, так как революция будет направлена исключительно против султана и его деспотизма»¹⁸. Это заявлялось представителю иностранной державы, обеспокоенной положением христианского населения, с целью побудить его благосклонно отнестись к делу младотурок и в соответствующем духе информировать свое правительство. Собеседник Агуры даже заявлял, что младотурки «очень надеются на вмешательство Европы, которую они считают довольно милосердной, чтобы ответить в благоприятном смысле на просьбы о помощи»¹⁹. В завершение разговора турецкий офицер поделился прогнозом, что в империи «не более чем через год можно ожидать революцию»²⁰. Беседа происходила в марте 1908 г., соответственно, приведенный прогноз, переданный через генерала-лейтенанта Шостака в Главное управление Генерального штаба, оказался верным. Агуре также удалось составить представление о различных группах турецкого офицерства. «Есть, может быть, некоторое число младших офицеров-стариков неграмотных или малограмотных, которые не рассуждают и им все равно теперешнее положение; остальные же, вышедшие из школ и познакомившиеся ближе с правлением

султана, безусловно одного мнения и желания свергнуть его власть», — сообщал он со слов своих информаторов²¹. Сторонниками младотурецкого движения в армии действительно являлись прежде всего получившие образование в реорганизованных по немецкому образцу военных школах (военные учебные заведения давали лучшее образование в империи) политизированные молодые офицеры (мектебли), тогда как лояльность султану сохранили в основном выслужившиеся из солдат, нередко неграмотные офицеры (алайлы), многие из них впоследствии приняли участие в попытке контрреволюции весной 1909 г.²²

В июне 1908 г., незадолго до начала революции, знакомый штабс-ротмистр Агуры из числа офицеров-сторонников младотурецкого заговора убеждал его, что русские люди должны сочувствовать грядущей освободительной борьбе турок против султанского режима, упоминал Л. Н. Толстого и П. А. Кропоткина²³. Он утверждал, что режим, при котором страной правит один человек, недопустим и, наконец, привел в пример Россию, которая, по его мнению, незадолго до того избавилась от абсолютизма: «Вот у вас как теперь хорошо и как Россия должна быть довольна, что наступает порядок: всякое зло выступает наружу и подвергается общественному осуждению, а нам это еще более необходимо. Даже в маленьких государствах, как Персия, стремятся изменить несносный образ правления, и только мы одни еще спим и ждем окончательного разложения империи»²⁴. Донесение от 17 июня 1908 г. штабс-ротмистр Агура закончил следующим суждением: «Турция пробуждается от спячки и стремится к общей цивилизации, с которой со временем придется считаться ее соседям. Возможно ожидать в недалеком будущем вспышки общей революции, о чем России, как ближайшему соседу империи османов, полезно знать, чтобы заранее решить, какое положение занять в данном случае»²⁵. Вывод Агуры о приближении революции оказался точным, и его донесения в целом содержали ценнейшие сведения о настроениях турецкого офицерства.

О политическом положении в Турции в преддверии и в ходе революции в Генеральный штаб сообщал российский военный агент в Константинополе полковник И. А. Хольмсен. Он также не мог обойти стороной особую роль армии в свершившихся событиях. Хольмсен полагал, что созданные Абдул-Гамидом армейские порядки в конечном итоге способствовали краху его режима: «Первым делом следует отметить, что носителями либеральных идей являются исключительно молодые офицеры, которые до самого конца провели революцию без всякого участия старших начальников, которые доказали свое полное ничтожество, оставаясь безучастными зрителями совершившихся событий. Система султана выдвигает одни бездарности в надежде таким образом обезвредить армию и флот. Она (система. — А. Ф.) была использована против него самого, и он теперь находится лицом к лицу с враждебной ему армией, предводительствуемой неведомыми ему силами»²⁶. Полковник Хольмсен,

не жалея резких характеристик в отношении способов правления султана, отмечал, что Абдул-Гамид фактически оказался в изоляции, не имея сил для противодействия восставшим, тут же поддержанным народом: «Все войска <...> симпатизировали революции, присоединялись к ней по первому зову, каковое обстоятельство указывает на глубоко укоренившуюся в населении ненависть к существовавшей до сих пор системе произвола, деспотизма и фаворитизма. Особенно резко выразилась ненависть народа к шпионству и беззастенчивому казнокрадству. <...> движение было настолько единодушно, что освободительная волна даже не встретила ни малейшего сопротивления, и обошлось почти без кровопролития. Последние дни чувствовалось, что всякое противодействие безнадежно. Султану другого ничего не оставалось делать, как даровать требуемые конституцию и амнистию»²⁷. Среди причин революции Хольмсен особо выделял тяготы военной службы, выпадавшие сугубо на долю мусульманского населения империи. Численность турецкой армии в мирное время, по его подсчетам, составляла более 2% от общей численности мусульманского населения, многочисленные карательные экспедиции в отдаленные районы империи с трудными природными условиями вроде Йемена оборачивались высокими потерями, кроме того, солдат задерживали на службе на 5–6 лет вместо положенных трех при систематических задержках жалования²⁸. «Может быть, что население безропотно переносило военную тягость, если бы оно видело у правительства заботы по справедливому распределению повинностей, но при призыве царствовал произвол и взяточничество, а на службе не выдавалось даже законом положенного денежного довольствия, а где можно урезывалось продовольствие и вещевой отпуск», — заключал Хольмсен²⁹. Вынося это суждение, полковник наверняка держал в уме российский опыт: одной из мер предотвращения распространения революции в армии в 1905–1907 гг. было улучшение материального положения нижних чинов.

Полковника Хольмсена особо интересовала перспектива дальнейшего участия турецкой армии в политике. «Занятое армией положение служит серьезной угрозой для будущего, несложно опасаться повторения роли, которую в свое время играли в истории преторианцы и янычары», — писал он в одном из первых донесений о революции в июле 1908 г.³⁰ В дальнейшем он развивал эту мысль: «Вопрос в том, захотят ли молодые офицеры и армия опять вернуться к прежнему скромному кругу деятельности и сделаться тем, чем они должны быть, — орудием законного правительства, которое ни в какую политику не вмешивается»³¹. И приходил к заключению, что возвращение армии к аполитичному состоянию в турецких условиях маловероятно. Будущее показало справедливость этой оценки. После младотурецкой революции армия и прежде всего офицерство играли исключительную роль в политической жизни Османской империи вплоть до самого конца ее существования. Эта традиция перешла и в Турецкую республику. Хольмсен негативно оценивал тенденцию к политизации армии. По его мнению, «духовная связь армии с населением в турецкой

армии гораздо сильнее, чем чувство воинского долга», соответственно, «в армии нет правильно понятой дисциплины»³².

В своих донесениях полковник Хольмсен демонстрировал прозорливость и глубокое понимание протекавших в Турции процессов. Однако в некоторых случаях он выдавал за свою экспертную оценку однобокую партийную пропаганду. В одном из донесений он воспроизводил конспирологические версии о связи комитета «Единение и прогресс» с масонами и евреями, воплощавшими таинственные международные революционные силы: «...организация (комитета. — А. Ф.) настолько похожа на масонство, что она [есть] разная* доля масонства. Связь с Лондоном несомненна <...> А действия комитета указывают на несомненное содействие опытных деятелей “освободительного движения” в других странах. Недаром турецкая революция также пользуется всеобщим одобрением европейской прессы. Сегодня же я узнал, что евреи играли немаловажную роль в революции, оказывая материальную поддержку. Надо признать, что вся революция несомненный “coup de mache”, который турки одни, конечно, не могли бы сделать»³³. Эти суждения, по-видимому, могли быть почерпнуты со страниц связанной с консервативным мусульманским духовенством газеты «Волкан», являвшейся рупором сил, выступавших против конституции, фактического отстранения султана от власти и закулисного правления комитета «Единение и прогресс». Возможно, полковник считал, что такое объяснение революции будет благосклонно встречено в Петербурге. При этом в целом Хольмсен полагал, что установление конституционного правления в Турции выгодно России и позволит ей добиться от нового турецкого правительства значимых уступок³⁴. Однако этим ожиданиям не было суждено оправдаться.

Российские военные представители доставляли в Генеральный штаб обширные сведения о политическом положении в Турции, причинах и ходе младотурецкой революции. Оппозиционные по отношению к султану и связанные с комитетом «Единение и прогресс» турецкие военные нередко сами выходили на контакт с российскими офицерами, стремясь внушить им, что грядущие революционные потрясения не несут угрозы для христианского населения Османской империи. Кроме того, они старались донести, что оппозиционные султану Абдул-Гамиду силы надеются на благожелательное отношение великих держав, в том числе России, к возможному перевороту. Они рассчитывали на солидарность российских офицеров, апеллируя к тому, что и в России недавно произошла революция, покончившая с абсолютистским режимом, и русские люди не должны препятствовать народам Османской империи в их стремлении к «прогрессу и цивилизации». Эти надежды отчасти оправдались. В донесениях российских офицеров о младотурецкой революции наряду с опасениями по поводу возможного усиления Турции в случае успеха младотурецкого модернизационного проекта присутствовали симпатии к младотурецкому

* Так в документе в значении «другая».

движению и критические, порой откровенно презрительные оценки режима султана Абдул-Гамида II. Им представлялось, что младотурецкая революция открывала для России новые возможности в отношениях с Турцией, и потому она потенциально выгодна с точки зрения российских интересов.

- ¹ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 307.
- ² *Yaşar M.* Learning the Ropes: The Young Turk Perception of the 1905 Russian Revolution // Middle Eastern Studies. 2014. Vol. 50. No. 1. P. 114–128.
- ³ *Шпилькова В. И.* Младотурецкая революция 1908–1909 гг. М., 1977. С. 91–92; *Hanioglu M. Şükrü.* Preparation for a Revolution: The Young Turks, 1902–1908. New York, 2001. P. 232–240.
- ⁴ *Таки В.* Турецкие войны России: царская армия и балканские народы в XIX столетии. М., 2025. С. 270–283.
- ⁵ *Сквозников А. Н.* Македония в конце XIX — начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010. С. 80–89.
- ⁶ Цит. по: *Исаева О. Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 86.
- ⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6854. Донесения начальника русского отдела реорганизации жандармерии в Македонии о младотурецком движении, политическом и экономическом положении в Салунском санджаке и других вилайетах Македонии, о внутривластном положении в Турции. Л. 20.
- ⁸ Там же. Л. 19.
- ⁹ Каза — турецкая административная единица, аналогичная российскому уезду.
- ¹⁰ Экзархисты — сторонники Болгарской церкви — Болгарского экзархата, находившегося в конфликте с Константинопольским патриархом.
- ¹¹ Патриархисты — сохранившие верность Константинопольскому патриарху.
- ¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6854. Л. 35.
- ¹³ Там же. Л. 18.
- ¹⁴ Там же. Л. 18 — 18 об.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 85 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 20 об. — 21.
- ¹⁸ Там же. Л. 20 об.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 21.
- ²¹ Там же. Л. 20 об.
- ²² *Turfan M. Naim.* Rise of the Young Turks. Politics, the Military and the Ottoman Collapse. London; New York, 2000. P. 155–162.
- ²³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6854. Л. 84 об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 86.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1011. Донесения русского военного агента в Турции о младотурецкой революции, военных приготовлениях, состоянии, численности и дислокации турецкой армии. Л. 212 — 212 об.
- ²⁷ Там же. Л. 212 об.
- ²⁸ Там же. Л. 231 об.

²⁹ Там же. Л. 219.

³⁰ Там же. Л. 212 об.

³¹ Там же. Л. 219.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 240 об. — 241.

³⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1017. Донесения русского военного агента в Турции о внутриполитическом положении в стране и состоянии турецкой армии. Л. 2.

References

Hanioglu, M. Şükrü. *Preparation for a Revolution: The Young Turks, 1902–1908*. New York, Oxford University press, 2001, 538 p.

Isaeva, O. N. Myurtshtegskii opyt “umirotvoreniya” Makedonii [The Murzsteg Experience of “Pacifying” Macedonia. In Russ.]. In Grishina, R. P. (ed.). *Makedoniya: problemy istorii i kul'tury*. Moscow, 1999, pp. 75–100.

Kinyapina, N. S. (ed.). *Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii. Konets XVIII — nachalo XX v.* [The Eastern Question in Russian Foreign Policy. Late 18th — Early 20th Centuries. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1978, 437 p.

Shpil'kova, V. I. *Mladoturetskaya revolyutsiya 1908–1909 gg.* [The Young Turk Revolution of 1908–1909. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1977, 295 p.

Skvoznikov, A. N. *Makedoniya v kontse XIX — nachale XX veka — yabloko razдора na Balkanakh* [Macedonia in the Late 19th and Early 20th Centuries — a Bone of Contention in the Balkans. In Russ.]. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya publ., 2010, 172 p.

Taki, V. *Turetskie voyny Rossii: tsarskaya armiya i balkanskie narody v XIX stoletii* [Russia's Turkish Wars: The Tsarist Army and the Balkan Peoples in the 19th Century. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2025, 376 p.

Turfan, M. Naim. *Rise of the Young Turks. Politics, the Military and the Ottoman Collapse*. London; New York, I. B. Tauris, 2000, 490 p.

Yaşar, M. Learning the Ropes: The Young Turk Perception of the 1905 Russian Revolution. *Middle Eastern Studies*. 2014. Vol. 50, no. 1, pp. 114–128.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Ю. Фомин. Военная революция в Турции в донесениях российских офицеров //

Петербургский исторический журнал. 2026. № 2. С. 134–145.

DOI 10.51255/2311–603X_2026_2_134

Аннотация: В статье рассматриваются донесения российских офицеров о политической ситуации в Османской империи во время политического кризиса, приведшего к младотурецкой революции. В указанный период российский Генеральный штаб, помимо официального военного агента при посольстве в Константинополе, получал информацию о положении в Турции также и от российских офицеров, несших службу в турецкой Македонии в рамках международной миссии по надзору за проведением в этой провинции реформ, инициированных по настоянию великих держав. Российские офицеры в Македонии фактически являлись агентами российского влияния в европейской части Османской империи, а также занимались сбором сведений о положении в регионе. В 1908 г. военный агент в Константинополе полковник И. А. Хольмсен и российские офицеры в Македонии в связи с обострением внутривнутриполитической обстановки в Турции проявляли особый интерес к настроениям в турецкой армии и деятельности младотурецких организаций.

Ключевые слова: Османская империя, Турция, Балканы, Македония, младотурки, младотурецкая революция, Мюрцштегские реформы, Ф. А. Шостаков, Н. А. Агура, И. А. Хольмсен.

FOR CITATION

A. Yu. Fomin. The Military Revolution in Turkey in the Reports of Russian Officers // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2026, pp. 134–145. DOI 10.51255/2311–603X_2026_2_134

Abstract: The article examines reports by Russian officers on the political situation in the Ottoman Empire during the political crisis that led to the Young Turk Revolution. During this period, in addition to the official military agent at the embassy in Constantinople, the Russian General Staff also received information about the situation in Turkey from Russian officers serving in Turkish Macedonia. These officers were part of an international mission to oversee reforms in the province, which had been initiated at the insistence of the great powers. Russian officers operating within Macedonia functioned as agents of Russian influence within the European portion of the Ottoman Empire. A primary aspect of their mission involved the collection of intelligence regarding the prevailing circumstances in the region. In 1908, Colonel I. A. Holmsen, a military agent in Constantinople, and Russian officers in Macedonia, in connection with the aggravation of the internal political situation in Turkey, took a particular interest in the mood in the Turkish army and the activities of the Young Turk organisations.

Key words: Ottoman Empire, Turkey, Balkans, Macedonia, Young Turks, Young Turk Revolution, Murzsteg Reforms, F. A. Shostak, N. A. Agura, I. A. Holmsen.

Автор: **Фомин, Антон Юрьевич** — к.и.н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Fomin, Anton Yurevich** — Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: a.fomin1511@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4118-6089